



Дмитрий Осипов

Возрождение. Книга 1. Дома

Дмитрий Осипов

Возрождение. Книга 1. Дома

«Автор»

2026

Осипов Д. А.

Возрождение. Книга 1. Дома / Д. А. Осипов — «Автор», 2026

При написании этой книги автор ставил одну главную цель: показать современному читателю совершенное, высокоразвитое общество будущего — именно такое общество, которое имеет все шансы сформироваться в случае реализации оптимистического сценария исторического развития Человечества. Автор предлагает погрузиться в прекрасный мир, отстоящий от нашего времени на много веков, с его персонажами, характерами, взаимоотношениями, особенностями жизни, труда и отдыха человека, а также множеством окружающих, необычных для нас профессиональных и бытовых вещей. Ведь именно такие мелочи позволяют лучше всего ощутить разницу между эпохами и дают возможность почувствовать себя на месте главных героев, окунуться в их мир. Но самое главное — «Возрождение» — это книга о пробуждающейся после долгого многовекового сна истинной любви между мужчиной и женщиной, книга о начале нового исторического периода в развитии Человечества, книга о возрождении общества в наиважнейшем духовном аспекте.

© Осипов Д. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Утро	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Дмитрий Осипов

Возрождение. Книга 1. Дома

Глава 1. Утро

Игра чудесной мелодии заполняла весь огромный обозримый Мир, от края до края, мягко вторгалась в его пределы из бездонных просторов Вселенной, захватывала каждое существо, каждый предмет, мгновенно делая его полным жизни, вдыхая в него саму жизнь, а затем достигнув границ Мира, тёплым потоком света уплывала дальше в необъятные глубины космоса, освещая и одушевляя всё на своём пути. Теперь казалось, что этой мелодии никогда не было начала и никогда не будет конца, ибо она существовала со времён основания, с первой секунды появления всего. Но память бережно хранила первое ощущение контакта, когда все чувства только слегка прикоснулись к этой великой тайне, и душа, потрясённая её первозданной красотой и совершенством, уже не могла остаться в прежнем, первоначальном наивном состоянии. Интересно было мысленно отодвинуть время и снова вернуться к моменту зарождения ощущения, когда рецепторы только начинали воспринимать первые звуки, как будто удивляясь невероятному совпадению внешней энергии с внутренними клеточными биотоками. Потом постепенно это чудо конгруэнтности набирало силу, пульсирующими волнами распространяясь и захватывая, становилось всё проникновеннее и, наконец, завладело всем внутренним и внешним окружающим пространством, подчинило себе время. Казалось, что так теперь будет всегда... И вдруг, сознание стало улавливать новые звуки, вплетающиеся в первоначальную основу, такие же прекрасные, но более торжественные, активные и побуждающие, словно зовущие вперёд, к действию, к борьбе и к новым свершениям...

Человек проснулся и открыл глаза. Их живой блеск, лучащийся потоками тёплого света, встретился с холодными тонами ярко-голубого утреннего неба без единого облачка. Звуки чудесной мелодии постепенно затихали вдали и наконец стали едва различимы. Но они уже сделали своё дело, вдохнули безграничный прилив бодрости и энергии в тело и наполнили светом душу. Ощущение молодости и здоровья разлилось по всему организму. Теперь возникло мимолётное желание понежиться в кровати, сладко потягиваясь и постепенно окончательно пробуждаясь. Но сознание уже взяло над минутной слабостью верх и открыло свою бездонную жажду познаний, открытий и достижений. Улыбка счастья начала нового дня и предстоящих творческих свершений озарила лицо.

— Виси, доброе утро!

В следующую мгновение одеяло поднялось в воздух и исчезло в специальной нише в верхней части стены, а кровать стала быстро подниматься изголовьем вверх, пока ноги не коснулись земли и он не встал на душистую зелёную траву, ощутив её мягкое, слегка щекотное прикосновение.

— Доброе утро, Матвей! Поздравляю тебя с Днём рождения и юбилеем!

Точно, сегодня же ровно тридцать лет, как он пришёл в этот мир. Он никогда не следил за своим возрастом, не ждал этих вех наступления собственного нового года. Всё это отчасти потому, что постоянная занятость повседневными вопросами практически не оставляла времени на что-то другое, а самое главное, таким датам обычно не придавалось какое-то сакральное значение, как в древние времена.

— Спасибо! Ты, как всегда, всё знаешь и помнишь, — он поднял вверх руки, встал на цыпочки и с наслаждением потянулся, чувствуя, как мышцы стали приходить в активный тонус, затем добавил только одно своё обычное слово, как делал это всегда в эти минуты. — Ритрэк.

Стена со всех сторон быстро опустилась вниз, уйдя под землю. Лёгкий прохладный ветерок проносился над миром, касался каждой травинки, играл листиками на растущих в отдалении деревьях и обдувал нагое тело человека, освежая и бодря. Благоухание миллионов цветов ощущалось настолько ярко, что даже слегка кружило голову. Бабочки невероятных красок и оттенков порхали над ними. Радостное, счастливое и, порой, самозабвенное, пение птиц теперь заменяло ту первоначальную, уплывшую вдаль мелодию и как нельзя кстати вплеталось во всю окружающую картину единства и гармонии.

На востоке открывались необозримые просторы мира. Солнце вставало из-за вершин далёких горных хребтов, его лучи уже набирали силу, заливали золотом серые очертания могучих исполинов, вторгались нестерпимым для глаз блеском и пробивали свои жёлтые дорожки по долине, стремясь достигнуть океана. А он лежал и ждал их на западе, уже начиная приветливо серебриться в ответ, древний и могучий, безбрежный и синий, подёрнутый вдали молочной мутноватой дымкой.

Некоторое время Матвей, зачарованный невероятными формами и красками природы, стоял неподвижно, не в силах оторваться и приступить к утренним делам. Большую часть своей жизни, с самого рождения он провёл в этих местах, но каждый раз, когда смотрел на величественную, потрясающую до глубины души красоту первозданной дикой жизни, не мог ей не восхищаться и оставаться равнодушным.

Наконец, усилием воли заставил себя вернуться к бытовым рутинным вопросам. Сделал обычные упражнения дыхательной гимнастики и общей утренней разминки, не переставая при этом любоваться открывавшимся видом. Потом, скомандовав “Виси, ригейн” и снова оказавшись внутри жилища, прошёл в соседнюю комнату через проход в северной стене. Над потолком спальни сходящимися лепестками внахлест закрылся защитный купол, на его внутренней поверхности тут же зажглись фоновые светильники, имитирующие картину звёздного неба. Состояние жилых помещений по окончании выполнения ими основной функции для обеспечения комфорта человека всегда приводилось в исходное положение с помощью так называемой Вспомогательной интеллектуальной системы — ВИС, или Виси, как принято было называть её сокращённо и даже ласково. Это сохранение герметичности помещений вне их использования человеком было прописано в основной исполнительской программе и позволяло избежать всевозможных неприятностей, например, на случай непогоды или нежелательного вмешательства многочисленных в этих местах и тесно соседствующих с человеком представителей фауны.

Соседняя комната была несколько меньше и абсолютно пустая, с мягкой приглушённой круговой подсветкой, ворсинчатым массажным полом для стоп и отражающими поверхностями на фронтальной и боковых стенах. Матвей внимательно посмотрел на своё отражение. Как правило, мимолётно брошенного взгляда в зеркало по окончании ежедневного туалета бывало вполне достаточно. Сегодня же некоторое время рассматривал себя дольше обычного, ведь ему исполнилось целых тридцать лет, и он хотел найти какие-то признаки телесных изменений, возможно даже старения, но всё внешне было как прежде. Он видел хорошо знакомого человека, роста выше среднего, с правильной осанкой, широкими плечами, подтянутого и в меру мускулистого, без единой жировой складки в области живота, одним словом, с правильными анатомическими формами тела, которые с невероятной чёткостью передавались в произведениях искусства ещё античными мастерами на заре первых цивилизаций. В данном случае это было результатом постоянного сбалансированного образа жизни, строгого чередования интеллектуальной и физической активности, особенностей здорового питания и, что немало важно, обычно хорошего настроения, которое, впрочем, было свойственно практически всем людям этого мира. Лёгкий загар покрывал совершенный результат совместной работы природы и человека. Привычный вид дополняли коротко остриженные тёмно-русые волосы и выразительные черты лица: его овал с широкими, слегка изогнутыми чёрными бровями, прямой нос, подбородок с небольшой ямочкой и полноватые губы с мягкой и спокойной улыбкой

самодостаточного, счастливого и уравновешенного человека. Но без сомнения самым ярким являлось выражение его умных и внимательных тёмно-карих глаз, проецирующих из глубин души во внешний мир мягкий поток светлой энергии и доброты. Весь образ вызывал у близких и случайных людей ощущение гармонии, надёжности и огромной внутренней силы. Ещё более сильное впечатление на окружающих производила всегда готовая появиться счастливая улыбка. Тогда теплота глаз вначале передавалась губам, а потом захватывала каждую чёрточку лица и подчиняла себе всё его целиком. И ответная улыбка не заставляла себя ждать и мгновенно возвращалась обратно.

“Интересно, как вы выглядели, милые мои родители, мама и папа, похож ли я на вас? — облачко мимолётной грусти отразилось на лице молодого человека. — У вашего сына сегодня юбилей и он живёт в самом лучшем мире и в самое лучшее время за всю историю человечества. У вас же был тяжёлый путь, борьба длиною в жизнь, ради всего, что есть сейчас. Спасибо вам за всё! Не знаю вас, но очень люблю!”

Матвей нажал на светящийся кружок в стене, из которой выдвинулся смеситель с раковиной и все необходимые атрибуты уборной комнаты, сразу заполнив её функциональные пространства. Включил холодную воду, которую всегда предпочитал тёплой для утреннего туалета, и вытянув губы, как он делал это каждый раз при умывании, стал брызгать на лицо и тереть его круговыми движениями, пофыркивая. После этого одел спортивные шорты, взял с полочки сбоку от умывальника и лёгким хлопком наложил на правое плечо иммобилайзер в виде небольшой выпуклой линзы из тёмного стекла, для защиты от случайной встречи с потенциально опасными хищниками, и выбежал на улицу.

Влажный тропический лес вставал по сторонам от обособленного пространства специальной беговой дорожки, подходя к ней практически вплотную и поражая своей густотой и разнообразием флоры. Первые три-четыре километра Матвей обычно пробегал на большой, близкой к максимальной скорости, регулируя её в соответствии со своими ощущениями и самочувствием, потом, сбавлял темп и остальную часть просто наслаждался процессом. Так и в этот раз, после перехода на размеренный бег стал с интересом наблюдать за таинственной дикой жизнью, в пределы которой он вторгся. Бессчётное количество бабочек порхало над миллионами цветов, вместе они, казалось, фантастически расцвечивали окружающий мир в ярчайшие краски и их сочетания, украшая и облагораживая общий зелёный растительный фон. Деревья и кустарники колыхались под накатывающими потоками ветра, качались и махали ветвями и верхушками, как будто приветствуя, кивая и маня к себе. Птицы, такие же пёстрые, таились в зелени листьев, прыгали и перелетали с ветки на ветку и издавали многообразную палитру отрывистых и переливчатых звуков. Разноцветные важные туканы поворачивали свои массивные клювы то в одну, то в другую сторону словно гордясь и хвастаясь ими. Красочные попугаи с любопытством следили за пробегающим человеком и порой, потревоженные близостью и вероятностью контакта, с неохотой и ворчанием, лениво меняли насиженное место. Множество мелких колибри со своими тонкими длинными клювами проявляли интерес к цветковым растениям и лакомились их сладким нектаром, добывая его с помощью длинного чувствительного языка. Невообразимый дурманящий аромат стоял в воздухе, наполнял лёгкие, приятно кружил голову и разливался по всему телу. Стёрлась грань между собственным «я» и этим окружающим лесом, словно я – это он, а он – это я. Чувство лёгкости и единения стало доминирующим и определяющим саму жизнь. Подумалось, что так когда-то, тысячи лет назад бежал здесь, в этом месте такой же человек в поисках пищи и остерегаясь поджидавшей его за каждым кустом смертельной опасности. Но сейчас было другое время, можно было просто наслаждаться жизнью, природой, этим первозданным местом и не думать ни о пропитании, ни о страхе внезапного нападения. Эта мысль заставила Матвея вспомнить про многочисленных представителей животного мира, обитающих в этих местах, и посмотреть на иммобилайзер, который в ответ сразу же вспыхнул голубым экраном и высветил цифру четыре. Это означало,

что за время пробежки ровно такое количество особей, представляющих потенциальную опасность, было на время обездвижено, чтобы предотвратить нежелательный контакт.

— Интересно, с кем я сегодня мог повстречаться? — подумал он и, не останавливаясь, произнёс кодовое слово. — Детализация.

Ответ не заставил себя долго ждать, и Матвей услышал приятный спокойный, но эмоционально-выразительный женский голос, каким обычно общалась и отвечала на вопросы Виси и который также использовался во всех бытовых устройствах:

— За период утренней пробежки произведена временная нейтрализация представителей опасных для человека диких видов животных в общем количестве четыре. Хронологический порядок антропогенной обратимой контролируемой интервенции: бушмейстер, ягуар, анаконда, странствующий паук. Провести детальный разбор каждого случая?

Ответить на этот вопрос он не успел.

— Мэт, привет! Как ты? С Днём рождения, дорогой! — раздался внезапный радостный окрик.

Матвей замедлился и повернул голову.

— Беги-беги, не останавливайся, всё равно догоню. От меня не улизнёшь. Тем более в таком страшном возрасте.

Азартное пыхтение вперемешку с самозабвенным хохотом неуклонно приближалось. И вскоре широко улыбающееся разгорячённое счастливое лицо соседа и друга показалось из-за спины.

— Доброе утро, Джимми! Виси уже разболтала...

— Ага, или ты хотел от всех утаить, чтобы отметить его дома вечером в гордом одиночестве, оплакивая свою уходящую молодость? — задорный смех снова раскатился по джунглям. — Мы тебе этого не позволим, так и знай!

— Да, знаю-знаю, Джим! От тебя всё равно ничего не скроешь и никуда не спрячешься.

— Тем более не скроешь свою тридцатку! Каково это перевалить за третий десяток? Ну-ка поделись, дружок.

— Ужасно, — притворно расстроился Матвей. —

Видишь, я теперь дряхлый старик, куда мне до вас, молодых и ретивых.

Оба весело рассмеялись и побежали рядом.

— А давай проверим, действительно ли ты стал стариком, рванём на перегонки? Или это теперь опасно для твоего здоровья? — продолжал подшучивать Джимми, искоса поглядывая на реакцию друга.

Не сговариваясь, они во всю прыть, с бьющей через край, кипящей здоровьем энергией и бешеным задором, со всех ног пустились бегом, соревнуясь друг с другом, словно мальчишки, и преследуя одно единственное захватившее их безраздельно желание — не уступить и ни за что не проиграть.

Вначале Матвей смог обогнать соперника, но через некоторое время стал уступать первенство, и вот уже более молодой и искусный в спринте Джимми летит на шаг впереди.

— Всё, ты победил, — Матвей перешёл на бег трусцой. — Но знаешь почему? Возраст тут не причём... Это дом твоих предков, он тебя подпитывает энергией, вдыхает силы. А если бы мы соревновались в моём историческом месте, то ты бы точно проиграл.

— Ладно, дружище, не расстраивайся. Не зря же тебе столько лет!

Оба переводили дыхание, смеялись и болтали одновременно. Всегда счастливый и жизнерадостный Джимми весело хлопал по спине друга, его улыбающееся лицо, окаймлённое чёрными, закрывающими ушные раковины, прямыми волосами выражало такой детский восторг и радость победы, что не могло не вызвать ответной улыбки. При этом Матвея не оставляло азартное желание взять реванш и слегка проучить товарища за излишнюю самоуверенность.

— Ну, тогда защищайся, — и в следующее мгновение, Джимми обхватывается в области груди сильными руками, его ноги отрываются от земли и повисают в воздухе. В свою очередь он, судорожно сдавив голову соперника, совершает отчаянные рывки всем телом, словно застрявший червяк или змея, пытаясь высвободиться и одновременно повалить того на землю. И вот они уже катаются по мягкой душистой траве, а через минуту покидают пределы экотропы и теперь барахтаются, смеются и пыхтят под росшим в нескольких шагах от неё широченным серым стволом араукарии. При этом то один, то другой оказываются попеременно наверху, пока более техничный и опытный в борьбе Матвей окончательно не одерживает верх, положив соперника на лопатки.

— Так-то вот, дорогой, реванш! — смеётся Матвей, а его друг, отфыркиваясь и ничуть не расстраиваясь поднимается следом с земли держась за поданную руку.

— Окей, справедливо! Признаю поражение. Но знаешь, что самое интересное во всём этом? Как учёные мы можем выдвинуть гипотезу, — Джимми отдышался и теперь со своей не сходящей с лица задорной улыбкой лукаво-вопросительно смотрел на товарища. Он сделал многозначительную паузу и спросил. — Какую?

Матвей, тоже улыбаясь только пожал плечами, уже чувствуя очередной подвох и остроту Джимми, без которых он, казалось, не мог прожить ни одной минуты.

— Правильно! Возраст за тридцать не влияет на способность человека бороться, но уже влияет на скорость бега.

— Гениально, доктор Бэллс! Но не честно. Ты специально всё это подстроил, чтобы использовать меня вслепую в своём бесчестном коварном эксперименте, — пошутил Матвей.

— Ладно, не переживай. Назначаю тебя не объектом исследования, а моим равноправным коллегой и соавтором, беру тебя в свою команду...

— О, Джим, посмотри на это чудо природы, — Матвей ласково провёл рукой по шероховатой коре араукарии. — Не зря это дерево называют живым ископаемым. Представляешь, за двести сорок миллионов лет оно почти не эволюционировало. Араукария росла ещё на древнем сверхконтиненте Пангея, и динозавры видели её практически такой же, как мы сейчас. А ещё несколько сотен лет назад она была распространена далеко отсюда и вот уже здесь. Удивительная видовая стабильность и способность к адаптации.

— Да, Мэт! Мои далёкие предки, жившие значительно южнее отсюда, хорошо знали её свойства и применяли это растение в своей медицине, — он тоже потрогал рельефный ствол дерева. — Внешне и на ощупь напоминает кожу рептилии. Словно прикасаешься к крокодилу или динозавру.

— Вряд ли тебе доводилось когда-либо прикасаться к динозавру, чтобы сравнить эти ощущения, разве что к крокодилу, — засмеялся Матвей.

— Почему-то мне кажется, что крокодил и динозавр на ощупь очень похожи. Ты так не считаешь?

— Интересная мысль, Джим! Ладно, побежали. На работу пора, у меня сегодня намечается очень насыщенный и интересный день.

И они, немного уставшие, весело разговаривая, лёгким бегом направились в сторону дома. Здесь стали чаще попадаться бежавшие или прогуливающиеся знакомые, которые радостно приветствовали их и поздравляли Матвея с юбилеем.

— Мэт, ты можешь поверить, мы завтра отправляемся в экспедицию, — восторженно рассказывал по пути Джимми Бэллс, который работал научным пиофандером, или первопроходцем, — в Институте Космоса, или сокращённо ИК. — Это мой первый дальний полёт. Пребывание на Лунных базах не в счёт. Теперь будет настоящее дело, — его чёрные глаза горели восторженным огнём. — Наша задача провести разведку и положить начало первой обитаемой станции на Меркурии. Не могу дождаться завтрашнего дня, все мысли только об этом.

— Как я рад за тебя, мой друг, что наконец-то исполнится твоя заветная мечта о больших экспедициях, к которой шёл столько лет, что ты одним из первых представителей нашего вида увидишь другую планету, в её первозданном состоянии, ступишь на её поверхность. Ты же пиофандер, а это значит, что всегда должен быть на острие открытий, в авангарде внедрения человека в совершенно необычные, непохожие на наш миры, куда не ступала его нога за всю историю жизни. В альтернативные и абсолютно непредсказуемые экосистемы, таящие экстремальную опасность для нас, чужаков. Ведь они могут быть устроены и функционировать совершенно по другим законам, которые мы даже представить себе не можем. И это невероятно интригует и захватывает! Как бы я хотел отправиться туда с тобой! Но увы... Мне остаётся только одно — следить за вашей работой в эпиараторе.

— Мне тоже жаль, Мэт, мы могли бы составить отличную команду. Жалко, что наша миссия не совсем по твоей части. Институт Человека занимается совершенно другими задачами...

— Как показывает опыт, мой друг, мы часто находим что-то ценное совершенно случайно. Иногда наши открытия предсказуемы, появляются там, где мы их ищем, а порой обнаруживаются совсем в другом, весьма неожиданном месте. Знаешь, Джимми, феномен находить что-то невероятно важное там, где и подумать то странно, не перестаёт меня удивлять. Но в этом и есть наша сила, в единстве вектора движения научной мысли всего человечества. Осознав и приняв такой подход однажды, мы мгновенно вышли на новый уровень развития и теперь несёмся вперёд с ошеломляющей скоростью.

— Да, Мэт, я тоже горжусь этим. Кропотливый труд и правильные расчёты наших учёных-основателей сделали своё дело и, в конечном итоге, принесли заслуженные плоды. После Великой катастрофы мы смогли оправиться, хоть и не сразу, и разработать стройный детальный план развития. Весь научный и промышленный потенциал, огромные усилия прошлых поколений, брошенные на изучение и устройство планеты, достигли своей главной цели и жизнь людей преобразилась. Теперь мы начинаем выходить за пределы нашего дома всей мощью видового интеллекта. Конечно, это совершенно не значит, что мы только сегодня начали изучать Вселенную и в первую очередь, собственную Солнечную систему. Мы это делаем уже довольно давно. Но вчера это было лишь второй задачей.

— Хорошо сказано, Джимми! Но я бы добавил ещё одну наиважнейшую задачу для изучения на сегодняшний день. Это понять место человека в окружающем мире. Космос и познание себя, своего истинного происхождения и предназначения — вот две первоочередные цели, мой друг!

Уже подбегая к дому, они столкнулись с Линдой Бакир. После обычных поцелуев, приветствий и поздравлений, она сказала:

— Матвей, я сегодня зайду к вам в институт часов в двенадцать. Уделишь мне время до обеда?

Матвей, я сегодня зайду к вам в институт часов в двенадцать. Уделишь мне время до обеда?

— Да, Линда! Есть новости по нашему вопросу?

— Кое-какие уточнения. Но мы работаем над этим день и ночь...

На красивом смуглом лице отобразилась озабоченность и усиленная работа мысли, которые казалось его никогда не покидали. Она характерным энергичным движением тряхнула головой и резко дунула на лоб, чтобы отбросить помешавшие тёмные волнистые локоны. И кивнув на прощание, быстро пошла в сторону серебристого купола Стартера.

Попрощавшись и договорившись встретиться вечером всем вместе на палинге, чтобы в близком кругу отметить праздник Матвея и проводить в дальнюю дорогу Джимми, друзья разошлись по своим домам.

Снова оказавшись в баню, где все туалетные аксессуары были опять убраны, Матвей снял спортивные шорты и встал на середину.

— Виси, душ.

Вся комната сразу заполнилась многочисленными струями воды, бившими из потолка и стен.

— Холоднее и оставь только верх.

Освежающий душ взбудрил и заставил перестроиться с восторженного детского задора и беззаботности на серьёзный лад, который весь оставшийся день до позднего вечера будет основой высочайшего напряжения мыслительных процессов, аналитических и творческих способностей и воображения, генерирующего нестандартные подходы к прорабатываемым вопросам. А именно в последнем аспекте и было основное доминирующее качество Матвея как сотрудника одного из пяти научных центров всего человечества.

Через некоторое время, одетый в легкий халат, он сидел за столом на площадке перед домом. Вдалеке раскинулся во всей своей безбрежной огромности синий океан. Нависавшие над ним бело-серые облака, словно гигантское воздушное покрывало, пытались оберегать и прятать его от солнца. А оно уже показалось во всех своей красе на востоке из-за вершин горных хребтов и его теплые лучи приятно прогревали спину. Нежный сочно-зелёный травяной покров ласкал босые ноги. Переливчатый, словно соперничающий друг с другом в красоте и силе, щебет птиц, шелест ветра в листьях близко подступающих деревьев, его нежное касание кожи и перебирание волос рождали чувство глубокого умиротворения и расслабленности. Изящное удобное кресло с мягким ворсинчатым сиденьем, функциональной спинкой и подлокотниками дополняло ощущение комфорта и домашнего уюта.

Вся эта первозданная красота природы сейчас воспринималась лишь на уровне подсознания и служила общим благоприятным фоном для работы отрешённых мыслительных процессов. Неподвижная поза, взгляд, направленный в пространство и слегка прищуренные глаза указывали на глубокую задумчивость и высокое внутреннее напряжение. Единственной живой частью лица оставались лишь губы, которые периодически вытягивались, сжимались и покусывались, и это их движение было отражением тяжёлой интеллектуальной работы. Одна нерешённая задача не давала покоя вот уже несколько недель, а сегодня предстояло ежемесячное совещание, на котором должен быть намечен коллективный вектор поиска и определен план на следующий период.

— Ладно, на этот раз всем вместе будет даже лучше погрузиться в задачу, так сказать, в сыром виде, не оттачивая и не облекая в форму заранее. А там уж куда кривая выведет. Всё равно мне кажется, что я завяз и топчусь на одном месте, словно рассматриваю глаз слона под микроскопом и никак не могу охватить объект целиком. Тут нужен взгляд со стороны и с иного расстояния. Может быть, мои коллеги помогут в этом и в нашем обычном бурном споре родится пусть не истина, но её робкий прообраз. Хотя нет, у меня же есть одна мысль! Предложу её как затравочную, вынесу на коллективное обсуждение... Да, начнём с неё... Надо запросить у Виси и собрать дополнительную информацию. Интересно, что скажет Ли Чанг? Эх! Уже столько моих идей и гипотез разбилось о его железную логику...

И Матвей улыбнулся, вспомнив своего всегда серьёзного и беспристрастного старшего коллегу и наставника и просто дорогого, любимого друга, его аскетический образ, сухопарую фигуру, седые волосы, азиатский разрез глаз на полностью лишённом эмоций лице, изрезанном мелкими морщинками. Он был почти на сорок лет старше Матвея, но это не мешало им оставаться хорошими добрыми приятелями, искренне интересными и тянущимися друг другу.

— Да, нужно поторопиться, сегодня много планов, ведь день не растянешь, а ход времени не замедлишь, этого мы пока что делать не научились... Хорошо, так и поступим! Давай позавтракаем, Виси. Потом накидаю тебе задачи на сегодня, сделаешь аналитику до одиннадцати часов.

— Принято. Накрываю завтрак.

Раздался характерный сигнал в виде короткой звонкой мелодии и в середине матовой поверхности стола, обозначенной светящейся пунктирной линией, образовалось овальное отверстие, через которое снизу на подставке точно такой же формы и размера поднялась заранее приготовленная пища. В центре стояла тарелка с основным горячим блюдом, источающим изумительный аппетитный аромат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.